

Е.Н. Иванова
Вологда

**СООТНОШЕНИЕ ЛИЧНЫХ ИМЕН И ПРОЗВИЩ
В ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ БЕЛОЗЕРЬЯ
КОНЦА XIV–XV ВВ.**

Исследователи отмечают, что состав личных имен, зафиксированных в памятниках письменности XV–XVII вв., не был однородным: наряду с календарными личными именами для номинации лица использовались некалендарные личные имена, которые можно разделить на две группы: собственно личные имена и имена-прозвища (Бахвалова, Мирославская,

Чайкина). Группу собственно личных имен составляли антропонимы, даваемые при рождении (внутрисемейные имена), прозвищами являлись «имена, которые человек получал, уже выйдя из младенческого возраста, для более четкого выделения его среди окружающих» (Мирославская: 212). Основным лингвистическим критерием подобного разграничения принято считать позицию некалендарного антропонима в составе именованности.

Иную точку зрения на соотношение внутрисемейных и прозвищных имен в составе некалендарных антропонимов высказывает С.Н. Смольников. С точки зрения С.Н. Смольникова, «применительно к историческому материалу нет достаточных формальных оснований для противопоставления внутрисемейных и прозвищных антропонимов..., это разновидности личных имен, различия между которыми связаны с внеязыковыми особенностями номинации и функционирования» (Смольников: 67).

Наши наблюдения над функционированием личных имен показывают, что в текстах монастырских актов конца XIV–XV вв. не существовало оппозиции внутрисемейные – прозвищные имена. Во многом это объясняется тем, что состав некалендарных антропонимов, зафиксированных в памятниках монастырской деловой письменности Белозерского края конца XIV–XV вв., существенно отличался от состава личных имен памятников деловой письменности старорусского периода.

В текстах монастырских актов отмечены антропонимы, образованные по архаичным непродуктивным структурным моделям. В исследуемом материале представлены имена, равные причастиям: *Ждан* (АСВР, 114, 1448–70), *Пытан* (АСВР, 290, 1492), *Резан* (АСВР, 6, 1397–1410), *Стоян* (АСВР, 263, 1482–84), двуосновные личные имена и их модификаты: *Милобуд* (АСВР, 275, 1488), *Добрило* (АСВР, 290, 1492), *Милята* (АФЗХ, 1495–1511), *Вышата* (АСВР, 120, 1448–70), приставочно-корневые личные имена с формантом *-не*: *Невзор* (*Невзор* Дудяков – АСВР 2, 260, 1482 г.), *Некрас* (*Некрас* Скоков – АСВР 2, 260, 1482 г.), *Неклюд* (*Неклюд* Окинфов – АСВР 2, 296, ок. 1496–1505 г.) и т.д. Имена-композиата, отпричастные антропонимы отмечены в западнославянских языках, в новгородской антропонимии раннего периода. Изначально такие имена выполняли функцию имен-пожеланий или защитных имен.

Продуктивностью в текстах монастырских актов отличались личные имена, возникшие в результате онимизации апеллятивов: *Мямя* (АСВР, 3, 1397–1410), *Белава* (АСВР, 296, 1496–1505), *Рука* (АСВР, 33, 1397–1427), *Волк* (АСВР, 5, 1397–1410), *Волосатой* (АСВР, 263, 1482–1484), *Белой* (АСВР, 36, 1397–1427). Ряд антропонимов, структурно равных апеллятивам, является именами с общерусскими основами. Однако большая часть антропонимов, морфологически подобных именам нарицательным, является локальными, диалектными образованиями: *Ошомок*

(АСВР, 34, 1397–1427) – *ошомок* ‘человек маленького роста’ Волог., Костром. (СРНГ, 25, 95), *Бушман* (АСВР, 290, 1492) – *бушма* ‘полный, неповоротливый человек’ Влад., Симб., Перм. (СРНГ, 3, 333), *Пазила* (АСВР, 272, 1497) – *пазила* ‘крикун, горлопан’ Новг. (СРНГ, 24, 145). В памятниках монастырской деловой письменности зафиксированы модификаты личных имен данного типа *Лысько* (АСВР, 284, 1492), *Глушко* (АСВР, 253, 1479), *Зубко* (АСВР, 31, 1397–1427), *Гласко* (АСВР, 229, 1475–76).

По данным А.А. Зализняка, личные имена, образованные в результате онимизации апеллятивов, были продуктивны и в древненовгородском диалекте. Как отмечает А.А. Зализняк, разграничить внутрисемейные и прозвищные имена, исходя из одних лишь лингвистических соображений, невозможно (Зализняк: 186).

Личные имена, которые большинство исследователей относит к группе внутрисемейных (*Первуша*, *Истома*, *Бажен*, *Нечай*, *Третьяк* и т.д.), в XVI–XVII вв. отличаются высокой частотностью и общерусским характером распространения (Бахвалова, Мирославская). В исследуемом материале внутрисемейные имена единично представлены в текстах, датированных концом XV века: *Третьячко* (АСВР, 260, 1482), *Первунька* (АСВР, 296, 1496–1505), *Прибыток* (АФЗХ, 306, 1504) и т.д.

Возможно, внутрисемейные личные имена *Первуша*, *Третьяк*, *Истома* и т.д. были распространены в центрально-восточном диалекте, от которого не сохранилось письменных источников, подобных новгородским берестяным грамотам. В таком случае мы можем предполагать, что появление внутрисемейных антропонимов в актах монастырской деловой письменности Белозерского края обусловлено влиянием центрально-восточного диалекта на белозерские говоры.

Выявим, как соотносились в текстах монастырских актов немногочисленные внутрисемейные имена с другими некалендарными и календарными личными именами. Как уже было отмечено, лингвистическим критерием дифференциации внутрисемейных и прозвищных антропонимов исследователи считают позицию личного имени в составе формулы именования. Определим, является ли позиция антропонима основанием для разграничения внутрисемейных и прозвищных имен в исследуемых текстах.

Подавляющее большинство антропонимических конструкций с одним личным именем имеет в своем составе календарный антропоним (*Костя Захаров* – АСВР, 310, 1505, *Лука Зиновов* – АСВР, 70, 1435–47, *Миколаи Стрятков* – АСВР, 284, 1492, *Михаил Фокинскои* – АСВР, 229, 1475–76). В качестве основного компонента некалендарный антропоним зафиксирован только в 64 антропонимических конструкциях. В функции личного имени могли быть использованы внутрисемейные антропонимы, отражающие положение ребенка в семье: *Малец Суботин* (АСВР 2, 260, 1482

г.), *Малышка Пронин* (КШ 2, 6 об., 1492 г.); порядок рождения: *Третьячко Маков* (АСВР 2, 260, 1482 г.), *Первунька Панеев сын* (АСВР 2, 296, 1496 – 1505 гг.), время рождения: *Суморок Левонтьев сын Хихилева* (АСВР 2, 233, 1476 г.) – *суморок, сумерек* ‘сумерки’: родившийся в сумерках (СРЛИ, 309), особенности поведения ребенка: *Шишма Тронин сын* (АСВР 2, 296, 1496–1505 гг.), ср. *шишмонить* нвг. ‘шалить, баловаться, играя проказить’ (Даль 4: 636), *Верещага Кобелев* (АСВР 2, 296, 1496–1505 гг.) и др.

В функции личного имени используются и имена-характеристики: *Серко* (АСВР 2, 10, 1397–1427 гг.), *Рудель* (АСВР 2, 238, 1476–82 гг.), ср. *рудеть* ‘краснеть’ юж. зап. (Даль 4, 108), *Чюбарь Стрялков сын* (АСВР 2, 290, ок. 1492 г.), *Сухой Онуштин* (АСВР 2, 290, ок. 1492 г.), ср. *сухой* ‘худой, чахлый, худощавый, поджарый’ (Даль 4, 365), *Мякиш* (АСВР, 64, ок. 1420х – 30х гг.) – *мякиш* ‘о толстом человеке’ Пск., Твер. (СРНГ 19, 78), *Отня* (АСВР 2, 64, ок. 1420х – 30х гг.) – *отень* ‘лентяй, лентяйка’ Олон., Арх., Краснояр., Свердл. (СРНГ 24, 151), *дьяк Скурдьи* (АСВР 2, 38, 1397–1427 гг.), ср. *скуридить* твр. ‘тосковать, стонать, охать’ (Даль 4, 214).

В конструкциях с одним личным именем употреблялись защитные имена: *Некрас Савин* (АСВР 2, 260, 1482 г.), *Невзор Дудяков* (АСВР 2, 260, 1482 г.), *Неклюд Васильев сын Скоморохова* (АСВР 2, 296, 1496–1505 гг.), *Негодяй Евьсевьев сын* (АСВР 2, 34, 1397–1427 гг.), *Дурак Артемов* (АСВР 2, 260, 1482 г.), *Злоба Малчин сын* (АСВР 2, 296, 1496–1505 гг.), некалендарные имена, образованные от названий животных: *Волк Бородавский* (АСВР 2, 5, 1397–1410 гг.). Возможно, данные антропонимы выполняли функцию защитных имен: «остатки языческих верований в чудесную силу животных, оберегающих названного их именем человека (тотем), могли, конечно, способствовать тому, что такими именами называли при рождении детей» (Чайкина: 126). В то же время «такое прозвище мог получить взрослый человек по какой-то отличительной черте характера, отражающей его близость к поведению животного» (Чайкина: 126).

В исследуемом материале зафиксированы конструкции с двумя личными именами, в которых оба компонента являются некалендарными антропонимами: *Язык Мошна* (АСВР 2, 3, 1397–1410 гг.), *Балашко Губа* (АФЗХ, 309, 1511 г.).

Более распространенной является модель, в которой позицию основного имени занимает календарное личное имя, в функции дополнительного члена именованного используется некалендарный антропоним. В позиции дополнительного компонента употреблялись внутрисемейные личные имена: *Макарей Третьяк* (АСВР 2, 148, 1448–70 гг.), имена-характеристики, которые могли быть присвоены человеку в любом воз-

расте: *Ивашь Долгой* (АСВР 2, 8, 1397–1427 гг.), *Михаило Погожюи Васильев сынъ* (АСВР 2, 284, 1492 г.) – погожий ‘красивый’ Калуж. (СРНГ 27, 301), *Ефим Горбатый* (КИв 7, 8, 1448–1469 гг.), *Сава Толстои Нестеров сынъ* (АСВР 2, 303, 1500–01 г.), *Василеи Федорович Безнос* (АСВР 2, 165, 1455 г.), *Мартынка Косяк* (АСВР 2, 287, 1492 г.), *Григор Чуна скорнечишко* (АСВР 2, 35, 1397–1427 гг.), *Филимон Ляпа* (АСВР 2, 41, 1397–1427 гг.), *Гридя Сутырь* (АСВР 2, 327, 1470–80 гг.), *Тимофей Юрло* (АСВР 2, 332, 1490–92 гг.), *Микитка Лысый* (АСВР 2, 416, 1498 г.) и т.д.

На основе проведенного анализа можно выявить некоторые закономерности употребления некалендарных имен в текстах монастырских актов. Имена-обереги и внутрисемейные личные имена обычно используются в конструкциях с одним личным именем: *Олень* (АСВР 2, 2, 1397–1408 гг.), *Волк* (АСВР 2, 5, 1397–1410 гг.), *Ворон* (АСВР 2, 5, 1397–1410 гг.) *Третьячко Маков* (АСВР 2, 260, 1482 г.), *Первунька Панеев сын* (АСВР 2, 296, ок. 1496–1505 гг.). Употребление в качестве дополнительных имен (*Макарей Третьяк* – АСВР 2, 148, 1448–70 гг., *Оксентей Ворон* – АСВР 2, 11, 1397–1427 гг., *Левонтеи Злоба Васильев сынъ* – АСВР 2, 257, ок. 1482–83) для них менее характерно.

Имена со значением качественной характеристики лица широко используются как в функции основного (*Чюбарь Стряпков сын* – АСВР 2, 290, ок. 1492 г.; *Сухой Онуштин* – АСВР 2, 290, 1492 г.), так и дополнительного личного имени (*Филимон Ляпа* – АСВР 2, 41, 1397–1427 гг. *Гридя Синий* – АСВР 2, 145, 1448–70 гг.). При этом в конструкциях с двумя личными именами (календарным и некалендарным), некалендарное всегда занимает позицию дополнительного антропонима вне зависимости от того, к какому разряду оно принадлежит (*Макарей Третьяк* – АСВР, 148, 1448–70, *Микитка Лысый* – АСВР, 416, 1498, *Оксентей Ворон* – АСВР, 11, 1397–1427).

Анализ употребления личных имен в памятниках монастырской деловой письменности позволяет сделать вывод о том, что в текстах монастырских актов позиция антропонима в составе именованного не являлась языковым критерием разграничения внутрисемейных и прозвищных личных имен. В антропонимиконе исследуемых текстов отсутствовала оппозиция внутрисемейные – прозвищные имена. Для памятников монастырской деловой письменности конца XIV–XV вв. актуальным было противопоставление календарных и некалендарных антропонимов.

Литература

Бахвалова Т.В. Семантические и функциональные особенности некалендарных имен (На материале памятников письменности Белозерья XV–XVII вв.) // Проблемы русской ономастики. – Вологда, 1985.

Вуйтович М. Древнерусская антропонимия XIV–XV вв. Северо-Восточная Русь. – Познань, 1986.

Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. – М., 1995.

Мирославская А. М. О древнерусских именах, прозвищах и прозваниях // Перспективы развития славянской ономастики. – М., 1980.

Смольников С. Н. Антропонимия в деловой письменности Русского Севера XVI–XVII вв.: Функциональные категории и модальные отношения. – СПб., 2005.

Чайкина Ю. И. Семантика некалендарных прозвищных личных имен деловой письменности Русского Севера начала XVII в. (на материале писцовых книг Белоозера, Вологды, Великого Устюга) // Севернорусские говоры. – СПб., 2004.

Сокращения

АСВР – Акты социально-экономической истории Северо-восточной Руси конца XIV – начала XVI в. – Т. 2. – М., 1958.

АФЗХ – Акты феодального землевладения и хозяйства. – Т. 1. – М., 1951.

Даль – Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка.: Т. 1–4. – М., 1955.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. – Вып. 1–35. – М.–Л.–СПб., 1965–2002.